

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета НТУ.5.12.2.08

Щербаковой Ольги Владимировны

на диссертацию **Норкиной Марины Владимировны**

«Влияние контекста на лексический доступ и процесс усвоения новых слов: индивидуальные языковые навыки и нейрофизиологические особенности», представленной на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 5.12.2. Междисциплинарные исследования мозга

Актуальность темы диссертации

Работа посвящена актуальной теме, находящейся в фокусе внимания сразу нескольких наук (психологии, нейрофизиологии, лингвистики) и на данный момент остающейся предметом дискуссий: проблеме поиска факторов, влияющих на рост словарного запаса, в частности, изучению роли разных типов контекста в усвоении новых слов.

Структура и содержание диссертационной работы

Диссертация насчитывает 116 страниц, из них 82 страницы основного текста. Она включает введение, четыре основные главы, заключение, список сокращений и условных обозначений, список литературы, пять приложений. Основной текст также содержит пять рисунков и пять таблиц. Первая глава работы посвящена обзору теоретических подходов к исследованию роли контекстуальных факторов в протекании процессов, обеспечивающих лексический доступ и усвоение новых слов, а также рассмотрению эмпирических исследований, выполненных в их русле. В частности, рассматриваются вопросы, связанные с выделением различных типов контекста, особенностями осуществления лексического доступа в ходе чтения на родном и неродном языке и той ролью, которую контекст играет в усвоении новых слов, а также нейрональными основами этих процессов и их возрастными особенностями. Отдельное внимание уделяется обзору наиболее распространенных экспериментальных дизайнов, использующихся в работах по данной теме. Во второй главе описываются методы и процедуры двух независимых эмпирических исследований, проведенных автором диссертации: первое является поведенческим и посвящено изучению особенностей лексического доступа при чтении у носителей русского языка и лиц, изучающих русский как иностранный, а второе – нейрофизиологическим, направленным на поиск специфики усвоения новых слов в ограничивающем и неограничивающем контекстах у подростков. Третья глава содержит описание полученных результатов, в то время как в четвертой приведено их обсуждение.

Научная новизна результатов диссертационной работы

Согласно введению, новизна работы заключается в том, что: 1) использование специально разработанного М.В. Норкиной и ее коллегами

корпуса русских предложений для лиц, читающих на русском языке как иностранном, позволило показать влияние контекстной предсказуемости на понимание при чтении у людей, не являющихся носителями; 2) на материале данных, полученных на русскоязычных подростках, были показаны особенности усвоения новых слов представителями данной возрастной группы; 3) было показано, что такие параметры, как понимание прочитанного, словарный запас и объем вербальной рабочей памяти, влияют на процесс усвоения новых слов, предъявленных в разных контекстах (ограничивающем и неограничивающем) и коррелируют с рядом нейрофизиологических показателей.

Теоретическая и практическая значимость диссертационной работы

Теоретическая значимость работы связана с дальнейшим поиском нейрофизиологических механизмов, лежащих в основе усвоения новых лексических единиц в разных типах контекстов, в т.ч. опосредованного различиями в индивидуальных психологических характеристиках субъектов речевой деятельности, а также в основе осуществления доступа к этим единицам. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных автором результатов в разработке более эффективных программ обучения языку, основанных на учете как лингвистических, так и индивидуально-психологических факторов.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации

Положения, выносимые на защиту, и сформулированные в диссертации выводы опираются на результаты двух независимых экспериментальных исследований, а также выполненный автором нарративный обзор литературы. Результаты представленной к защите работы вписаны в современный научный контекст, что подтверждается тремя статьями по теме диссертации, опубликованными в рецензируемых научных журналах и докладами на профильных конференциях, в т.ч. международного уровня.

Соответствие автореферата основному содержанию диссертации

Автореферат соответствует полному тексту диссертации как в структурном, так и в содержательном отношении.

Оценка диссертационного исследования

В целом диссертационное исследование можно охарактеризовать как самостоятельную работу, представляющую интерес как в теоретическом, так и практическом отношении. В диссертации представлены новые результаты относительно различных аспектов рассматриваемой автором проблемы – поиска факторов, влияющих на усвоение новых слов в разных контекстах и в связи с различными психологическими особенностями субъектов речевой

деятельности. Надо полагать, что автор владеет современными методами экспериментальной психолингвистики, умеет работать с различными типами выборок (взрослыми и подростками, моно- и билингвами), а также имеет навыки статистического анализа данных с использованием актуальных инструментов.

Замечания по диссертации.

- 1) Прежде всего, необходимо отметить, что текст очень труден для прочтения, поскольку изобилует грамматическими ошибками, терминологическими неточностями, пропусками слов, стилистическими шероховатостями, тавтологиями, примерами лабораторного сленга, а также кальками или дословными (возможно, автоматическими) переводами с английского, что в ряде случаев даже приводит к появлению бессмысленных речевых конструкций. Количество таких ошибок сильно превышает то, которое могло бы считаться допустимым для текста уровня кандидатской диссертации (тем более, выполненной по лингвистической тематике).

Перечислим лишь некоторые из них: «повышение языковых навыков» (с. 7); «сохраняется ли влияние универсальных параметров длины, частотности и контекстной предсказуемости слова при чтении на неродном языке, когда идет активное усвоение новых, формирование словарного запаса» (с. 16); «маркер эпизодической памяти (в частности, памяти, основанной на воспоминаниях)» (с. 24); «Говоря о модальности предъявляемых стимулах, можно выделить...» (с. 32); «обзор последних исследований, в которых решались задачи мониторинга изменений в динамике активации мозга в процессе обучения словам, использует различные дизайны экспериментов и различные контексты» (с. 34); «разработан корпус русский предложений» (с. 39); «На поведенческом уровне время реакции и точность будут выше и точнее» (с. 43); «Влияют ли различные тип контекста предложений на ВП подростков» (с. 43); «Для исследования роли понимания прочитанного, словарного запаса и вербальной рабочей памяти на результаты на нейрофизиологическом уровне была использована линейная модель со смешанными эффектами» (с. 56); «частотность лексем не достигла значимости сама по себе» (с. 59); «На рисунке показы левое и правое полушария» (с. 64); «результаты ответов на точность показали» (с. 73); «компонент N400 регистрируется без намерения испытуемого обрабатывать значение стимула, так называемо «автоматически»» (с. 75); «Возможно, в нашем исследовании предъявление, взаимодействие участника с стимулами была гораздо слабее, что не позволило сформировать различия» (с. 76); «Дополнительный анализ данных показало, что у участников с высокими баллами (отражаемое более высокими показателями понимания прочитанного и

словарного запаса) не наблюдалось разницы в амплитуде N400 при усвоении слов в контекстах, в отличие от участников с низкими баллами» (с. 79); ««Опытные читатели могут эффективнее использовать свой языковой опыт, создавая более надёжные эпизодические следы как по форме, так и по значению» (с. 80) и мн. др.;

- 2) Присутствуют ошибки в использовании базовой психологической терминологии: «неосознаваемые процессы» (с. 76; к сожалению, это не случайная опечатка, т.к. такое написание повторяется далее на с. 77); «ранние подростки» (с. 30) вместо «младшие подростки»; также автор неоднократно использует оборот «приобретение словарного запаса» (дословный перевод *lexicon acquisition*, не имеющий смысла в русском языке): корректнее было бы говорить об усвоении слов или расширении словарного запаса; термин «слова-дистракторы» автор пишет без дефиса, необходимого при написании слов-приложений такого типа. На с. 4 встречается выражение «ощущение, что слово ранее встречалось», а на с. 11 – «ощущение знакомости»; при этом ни одна классификация видов ощущений не включает в себя ощущений таких модальностей, т.к. на данный момент неизвестны какие-либо специфические сенсорные системы, отвечающие за обработку «стимулов знакомости». Наконец, использование ключевого для работы термина «язык» в значении «речь» (в т.ч. в названии работы) представляется ошибочным и часто приводит к искажению сути описываемых явлений: работа направлена на описание *психических феноменов*, поэтому корректно говорить только о речи, речевых навыках, речевом развитии т.п. как составляющих психической реальности, а не о языке (и тем более о «языковых навыках»), что, опять же, является некорректной калькой с английского, искажающей содержательную сторону вопроса;
- 3) Если говорить о композиции текста и стоящей за ним логике исследования, то обращает на себя внимание недостаток преемственности в переходе от теоретических оснований работы к планированию ее эмпирической части. Так, тема работы сформулирована достаточно обобщенно: «Влияние контекста на лексический доступ и процесс усвоения новых слов: индивидуальные языковые навыки и нейрофизиологические особенности». Однако отметим, что в такой формулировке на русском языке она выглядит как неполная и требующая от читателя самостоятельной реконструкции авторского замысла. При этом эмпирическая часть диссертации представляет собой два эксперимента, один из которых (поведенческий) выполнен на взрослых носителях русского языка как родного и носителях китайского языка, изучающих русский как иностранный, а второй (нейрофизиологический) – на русскоязычных подростках-монолингвах. Какие-либо обоснования необходимости

проведения столь разных по замыслу экспериментов (к тому же, очень частных по своим задачам по сравнению с заявленной в названии темой) для решения поставленных задач в рамках единого исследования, которое, как любая диссертация кандидатского уровня, должно отличаться цельностью замысла и внутренней логикой, направляющей его реализацию, в работе не приведены – как и обоснование перехода от сопоставления процессов усвоения слов у взрослых носителей и не-носителей к анализу возрастной специфики нейрофизиологических коррелятов этого процесса у носителей-подростков. Это позволяет предполагать серьезный дефицит планирования работы – представленный на рецензию текст больше похож на постфактум объединенные описания разных по своим задачам и замыслам эмпирических исследований, которые хотя формально и относятся к одному предметному полю, тем не менее, предоставляют лишь ограниченные возможности соотнести между собой полученные в них результаты и не позволяют выстроить интерпретативную линию, характеризующуюся преемственностью выводов;

- 4) Нельзя не отметить и то, что разные части текста не только отличаются друг от друга в стилистическом отношении (что редко бывает свойственно для научных текстов, полностью написанных одним и тем же автором), но также характеризуются разной структурой и паттернами оформления. Например, при описании Эксперимента 1 в разделе 2.1 отсутствует упоминание о гипотезах исследования, в то время как при описании Эксперимента 2 в разделе 2.2 есть отдельный подзаголовок «Гипотезы»; при описании Эксперимента 1 и Эксперимента 2 используются разные способы оформления ссылок на литературные источники: в одном случае указываются их номера в квадратных скобках, в то время как в другом – фамилии авторов и годы выхода работ. Все это позволяет предположить, что главы 2, 3 и 4 в значительной степени представляют собой результат механической нарезки ранее опубликованных статей без приведения использованных фрагментов текста к содержательной связности или хотя бы общему стандарту оформления на поверхностном уровне. Это обстоятельство еще более усиливает впечатление от текста как мозаичного произведения, которому не хватает единой концептуальной архитектуры и *заранее* выстроенной логики, направляющей эмпирические поиски и задающей четкую рамку для их теоретического осмысления;
- 5) Неряшливость, характеризующая основной текст, свойственна и для оформления списка литературы: так, некоторые статьи описаны по стандартной форме (сперва указаны авторы, а затем название работы), в других же сперва приведено название, а только затем указаны авторы; у целого ряда источников отсутствует полное

библиографическое описание (например, не указан год выхода работы, а в некоторых случаях на основании приведенных сведений невозможно понять, идет ли речь о статье или монографии). Это сильно затрудняет ориентацию в тексте и осложняет оценку его содержания;

- 6) Более серьезное замечание относится даже не к формату, а к содержанию обзора. Автор декларирует опору на подход Ю.Ю. Штырова и коллег, однако их свежие работы (включая фундаментальную монографию «От слова – к репрезентации», 2022) в списке литературы отсутствуют. Это тем более странно, учитывая, что указанная монография представляет собой наиболее полное на сегодняшний день русскоязычное исследование психологических и нейрофизиологических механизмов усвоения новой лексики и напрямую релевантна теме диссертации. Такая лакуна в обзоре снижает впечатление от теоретической подготовки автора;
- 7) На контрасте с темой работы, посвященной изучению роли контекста в усвоении слов, становится заметным недостаток... контекстуальности приведенных в тексте сведений: текст бы мог выиграть, если бы приведенные как в обзоре, так и в эмпирической части факты были вписаны в более широкую теоретическую канву современного научного дискурса, а в разделе Обсуждение была бы предпринята попытка не просто сопоставить полученные данные с результатами предшествующих эмпирических работ на близкие темы, а именно *содержательно проинтерпретировать* их, выйдя на более высокие уровни обобщения, которые позволили бы не только дополнить существующую эмпирическую базу, но и расширить понимание изучаемых феноменов, обогатив их теоретическое прочтение. Например, было бы целесообразно проанализировать полученные в диссертационном исследовании результаты в контексте заявленных во введении к работе теоретико-методологических оснований, однако на данный момент это не сделано;
- 8) Описание экспериментальных исследований характеризуется чрезмерной краткостью, которая не позволяет в полной мере составить представление о стимульном материале и содержательной логике его создания, процедуре и экспериментальных заданиях. В силу этого многие содержательные моменты, важные для составления общего впечатления о работе, остаются непонятными. В частности: а) на с. 46 коротко указано, что стимулы оценивались четырьмя лингвистами-экспертами, однако ничего не говорится о таких существенных методических параметрах, как то, производилась ли эта оценка экспертами коллегиально или независимо друг от друга (если коллегиально, то как разрешались разногласия в случае их возникновения, а если независимо, то как

проверялась – и проверялась ли – степень согласованности экспертных оценок); знали ли эксперты о цели исследования и как контролировалось потенциальное влияние этого знания на результаты оценки; б) при описании процедуры создания псевдослов не говорится о том, проверялись ли созданные псевдослова на предмет того, что они действительно воспринимались респондентами именно как псевдослова, лишённые семантических признаков; в) не упоминается, были ли предприняты меры для устранения возможности возникновения устойчивых ассоциаций между конкретными псевдословами и изображениями, предъявляемыми совместно (Эксперимент 2); г) в описании Эксперимента 2 автор упоминает, что использовалась адаптация методики для измерения рабочей памяти, однако не конкретизирует, кто был автором этой адаптации и чем она отличалась от оригинальной версии; д) только в Обсуждении появляется существенная для понимания процедуры исследования и смысла полученных результатов информация о том, что в Эксперименте 1 принимали участие носители китайского языка, проживающие не только в РФ, но и в КНР, а сами данные, оказывается, собирались онлайн: остается непонятным, были ли эти сведения опущены при описании выборки намеренно или в результате небрежности; е) нигде не приводится информация о том, был ли одобрен протокол исследования каким-либо из действующих профильных этических комитетов. Отсутствие этих и других сведений затрудняет оценку качества проведенной работы и не позволяет реплицировать процедуру исследования для независимой проверки полученных автором результатов;

- 9) Отдельно следует упомянуть ряд моментов, которые представляются особенно спорными: а) при описании Эксперимента 2 автор пишет, что выборку составили подростки, проходившие обучение в «Сириусе», но при этом не владевшие какими-либо иностранными языками. Позволю себе усомниться в том, что подростки (т.е. ученики либо средней, либо старшей школы), обладающие настолько хорошо сформированными предметными знаниями, что смогли пройти конкурсный отбор для обучения на программах в «Сириусе», и, вероятно, высокой учебной мотивацией, к возрасту 11-17 лет действительно не владели ни одним иностранным языком: современные подростки, даже не имеющие столь выраженных признаков интеллектуальной одарённости, часто владеют как минимум английским языком на уровне бытового общения. При этом в целом вызывает сомнение целесообразность объединения в рамках одной выборки учащихся «Сириуса» с учащимися других местных школ и участниками, рекрутированными посредством социальных сетей; б) при описании одного из экспериментов автор упоминает, что интервал между экспериментальными блоками составил от

одного дня до недели. Такая существенная разница в интервалах могла заметно повлиять на результаты разных респондентов; в) в Эксперименте 2 для оценки навыков понимания прочитанного использовались задания PISA, но не приводится обоснование подобного выбора; понимание прочитанного – очень тонкий показатель, который может быть весьма информативным при условии методологической проработанности его оценки и хорошей концептуализации, поэтому было неожиданно увидеть, что в обзоре литературы анализу понимания прочитанного как фактора, сопряженного с большим количеством других психолингвистических показателей, не уделяется должного внимания, а также допускаются общие утверждения на тему исследований понимания, не подкрепленные какими-либо ссылками на конкретные работы («Существующие исследования показывают, что многие подростки испытывают трудности с пониманием прочитанного», с. 37);

- 10) В разделе, посвященном описанию достоверности полученных результатов, указано, что она «обеспечивается соблюдением этических норм». Однако соблюдение этических норм, несмотря на свою бесспорную важность, само по себе не имеет отношения к обеспечению достоверности данных, т.к. его цель заключается в другом: исследование может быть вполне этичным, но при этом научно несостоятельным – в случае, если при его планировании были допущены ошибки;
- 11) Формулировка второго положения, выносимого на защиту, представляется недостаточно конкретной и может быть трактована двояко: при упоминании о том, что тот или иной тип контекста (не) будет оказывать влияние на этап обработки слова, было бы целесообразно указать, как именно это влияние или его отсутствие, по мнению автора, отразится в обсуждаемых компонентах ВП. Такое уточнение необходимо, чтобы положение было проверяемым и потенциально фальсифицируемым – в противном случае оно остается малоинформативным;
- 12) Также представляется некорректной формулировка цели исследования: «показать особенности влияния контекста на восприятие и усвоение новой информации на поведенческом и нейрофизиологическом уровнях, а также вклад индивидуальных особенностей в процессы чтения и усвоения новых слов». Если автор еще до начала работы готова «показать особенности», это, вероятно, означает, что она априори уверена в их наличии, что ставит под вопрос целесообразность проведения самого исследования. В научных работах, выполненных в экспериментальном подходе, обычно используются более осторожные формулировки – например, «проверить гипотезу о...», отражающие процесс научного поиска и сопутствующего ему сомнения;

- 13) В разделе 3.2.2.3. «Индивидуальные особенности» автор пишет: «Мы проанализировали влияние индивидуальных особенностей участников, а именно понимание прочитанного, словарного запаса и вербальной рабочей памяти, на поведенческие результаты выполнения задания на распознавание слов (правильность ответов и время реакции), а также на разницу амплитуд волн N400 и P600». Остается непонятным, на каком основании перечисленные психологические явления (очень разные по своему статусу и структуре и различающиеся с точки зрения лежащих в их основе механизмов, в силу чего их в принципе некорректно называть индивидуальными особенностями), во-первых, были использованы как рядоположные друг другу, а во-вторых, были выбраны в качестве потенциальных модераторов успешности выполнения поведенческого задания и тем более нейрофизиологических показателей. Не логичнее ли было бы предположить, что направление этой связи обратное: нейрофизиологические показатели и подлежащие им нейрональные основания когнитивной работы являются предикторами психологических параметров речевой деятельности?
- 14) Обращает на себя внимание отсутствие какого-либо упоминания в тексте диссертации об ограничениях представленных исследований, несмотря на то, что их описание является обязательным компонентом любой научной работы и свидетельствует о зрелости автора как исследователя. Это упущение тем более заметно, что эксперименты имеют очевидные методические ограничения, которые следовало бы не только перечислить, но и обсудить с точки зрения их влияния на интерпретацию результатов. Было бы важно понять, было ли такое решение сознательным и, если да, то чем оно было мотивировано;
- 15) Наконец, в свете того, что диссертация представлена на соискание степени кандидата *психологических* наук, обескураживает недостаток анализа релевантных психологических концепций в литературном обзоре (он весь построен на рассмотрении лингвистических и нейрофизиологических работ), равно как и отсутствие психологического осмысления полученных данных и попытки вписать их в собственно *психологический* контекст, который не равен простой констатации поведенческих и нейрофизиологических фактов.

Заключение о соответствии диссертации критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней Автономной некоммерческой образовательной организацией высшего образования «Научно-технологический университет «Сириус»

К сожалению, качество текста диссертационной работы можно охарактеризовать как недостаточно высокое для кандидатской диссертации. Он мог бы существенно выиграть благодаря простой вычитке перед его представлением в публичное пространство, и тем более – благодаря тщательному концептуальному планированию работы и ее теоретическому осмыслению, необходимому для научных работ такого уровня. Вместе с тем, я допускаю, что экспериментальная подготовка автора и ее инструментальные навыки, позволившие ей провести два эксперимента и опубликовать три статьи в рецензируемых изданиях, формируют минимально необходимый эмпирический задел и являются тем объективным результатом, который позволяет мне, фиксируя серьезные недостатки в изложении, теоретической проработке и планировании экспериментов, остановиться на осторожно-положительном заключении.

Диссертационная работа Норкиной Марины Владимировны «Влияние контекста на лексический доступ и процесс усвоения новых слов: индивидуальные языковые навыки и нейрофизиологические особенности», отвечает требованиям пп.2.1–2.6, п.п.2.8-2.9 Положения о присуждении ученых степеней Автономной некоммерческой образовательной организацией высшего образования «Научно-технологический университет «Сириус», утвержденного приказом от 02 апреля 2026 г. № 469-ОД-У, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор, Норкина Марина Владимировна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата психологических наук по специальности 5.12.2. Междисциплинарные исследования мозга.

Член диссертационного совета
НТУ.5.12.2.08

Кандидат психологических наук,
доцент, ведущий научный
сотрудник Центра исследований
интеллекта и когнитивного
благополучия Института
когнитивных нейронаук,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»

Щербакова О.В.

Дата: 17.06.2026

Сведения:

Щербакова Ольга Владимировна

Диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук защищена по специальности 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии.

Центр исследований интеллекта и когнитивного благополучия Института когнитивных нейронаук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Кривоколенный пер., д. 3, +74957729590 (доб. 15757).

ov.shcherbakova@hse.ru